

Подобные детские забавы «первого богача и красавца Южного моря», признаться, выглядели глупо до невозможности.

Похоже, за все свои бесчисленные жизни он ни разу не пытался задобрить или развеселить хоть какое-то земное существо. А потому его разум не родил ничего лучше, чем эта затея. Пусть глуповатая и немного нелепая — если она заставит маленького пресноводного дракончика народа Ди рассмеяться, Фушэнь не обидится. В конце концов, какая разница?

Всё, чего он хотел — это поднять настроение Юань Себаю. О том, что подобное ребячество роняет его достоинство, он даже не задумывался. Какая разница, как это выглядит со стороны, если малышу весело?

Прожив столь долгую жизнь, глупо оглядываться на чужое мнение и дрожать над собственной репутацией — иначе жить станет невыносимо скучно. Фушэнь руководствовался простым правилом: делать лишь то, что приносит удовольствие.

Однако великий владыка глубин просчитался в одном: его маленький спутник, этот нежный Персик, обладал на редкость чуткой и поэтичной душой. Юань Себай и не думал насмеяться над его жестом. Когда на берег выволокли эту стальную гору, малыш не разразился хохотом.

Напротив, разглядев выброшенную на песок громадину, розовый дракончик всполошился. Он живо подбежал поближе, обошёл сверкающую суперяхту кругом, восхищённо разглядывая её безупречные борта, а затем повернулся к Фушэню с самым восторженным видом.

— Ого! — пискнул он. — Я первый раз в жизни вижу такую огромную яхту! Надо же, какая она крутая... Настоящий великан! Обычные катера по сравнению с ней — просто щепки! Если бы я сам попытался её вытащить, то точно бы надорвался! Ну ты и силён!

Вот что значит врождённая деликатность. Маленькие пресноводные драконы народа Ди, верно, все рождались с лёгким, уживчивым характером. Малыш не просто уберёг своего грозного спасителя от неловкости — он мастерски оправдал это нелепое ребячество, превратив глупую шутку в приятную беседу.

Фушэнь невольно усмехнулся. В этот миг он окончательно понял, почему ему так нравится возиться с этим розовым недоразумением. Юань Себай никогда не судил его по мирским меркам. В его наивных реакциях не было ни капли притворства или корысти. Эта искренность, лёгкость и умение радоваться мелочам подкупали океанического дракона народа Ди сильнее любой лести.

Правда, закрадывалось смутное подозрение: вроде бы это он пытался развлечь малыша, а вышло так, будто малыш погладил по шёрстке его самого. И отрицать это было бессмысленно — Фушэню это чертовски польстило.

До начала катастрофы этот океанический дракон народа Ди знать не знал о своих

пресноводных собратях. Он ни разу в жизни не заплывал в устья рек, всю вечность проведя в солёной пучине. Но сейчас, глядя на это крошечное, полное жизни существо, он впервые почувствовал непреодолимое желание увидеть великую Янцзы — древнюю колыбель, взрастившую предков маленького Персика.

— Послушай, — негромко спросил Фушэнь, — тебе когда-нибудь говорили, что ты удивительно милый?

— Конечно! — с гордостью отозвался бывший обитатель аквариумов, выпятив крошечную грудь. — Люди постоянно мне это говорили. Когда я продавался на Таобао, от покупателей отбоя не было! Все называли меня лапочкой и милахой!

Маленький персиковый пресноводный дракончик Ди, в прошлом — декоративный аксолотль из интернет-магазина, снова засиял своей непоколебимой, забавной уверенностью.

— Хм, — Фушэнь согласно кивнул. — Что ж, признаю, у людей неплохой вкус. Ты и правда очарователен. Надеюсь, когда ты вырастешь, то станешь... очень большим и очень грозным «очарованием».

В этих словах Фушэня сквозил едва уловимый намёк.

Впрочем, каков на самом деле облик взрослого дракона Ди, в чьих жилах течёт древняя пресноводная кровь, сейчас на Земле мало кто помнил — все старожилы давно сгинули в пучине времён. Оставив роскошную яхту ржаветь на берегу, эти два существа, бесконечно далёкие от понятия человеческой бережливости, продолжили свою неспешную беседу под шёпот волн.

— Слушай, — протянул Юань Себай, шевельнув розовыми жабрами. — Как наиграемся, давай вернём эту штуковину на место? Вдруг люди из Гуандуна когда-нибудь вернутся, а у них лодку утащили. Расстроятся ведь.

— Вот как? — приподнял бровь Фушэнь. — А я думал, ты захочешь взять её с собой в путешествие. Устроился бы с комфортом на палубе, и лапами грести не надо.

Малыш даже не задумался о подобной роскоши. Он решительно мотнул головой, умилительно растягивая слова:

— Ну какое же это приключение? Я ведь дракон! Самый настоящий! А значит, должен сам рассекать волны. Только тогда это называется по-настоящему: пу-те-ше-стви-е!

— Да неужели? — поддел его Фушэнь. — Но ты, насколько я вижу, пока не умеешь долго дышать на суше, да и глубоко нырять у тебя не очень получается.

— Вот именно! — горячо воскликнул малыш. — Раз я пока плохо плаваю, мне нужно больше тренироваться в настоящей, большой воде! Ни одна рыба не рождается великим пловцом. Путь от крошечного малька до исполина у всех одинаков. Мы растём, чтобы радоваться жизни и свободно скользить в глубинах. В этом же весь смысл!

Он забавно перебирал задними лапками и лениво грёб хвостом мокрый песок. Несмотря на детскую наивность, этот персиковый кроха на интуитивном уровне понимал суть «странствий» — сакрального пути, который должен пройти каждый дракон Ди, чтобы завершить свою эволюцию и обрести истинное величие.

Спустя двадцать лет после катастрофы этот возрождающийся мир заполнили новые, невиданные ранее существа. И Юань Себай был далеко не единственным крошечным звеном в этой великой цепи. Где-то в далёких, неизведанных уголках планеты тысячи других созданий упорно боролись за выживание, поглощали пищу, крепили и готовились явить миру новый виток эволюционного взрыва.

Казалось, внутренний взор маленького дракона уже видел этих будущих друзей. Память предков, дремавшая в его крови, вела его вперёд. Повернувшись к Фушэню, Персик уверенно произнёс:

— К тому же мы ведь давно обо всём договорились! Твоё дело — смотреть в будущее и оберегать нас от беды, а моё — отыскать старых друзей, чтобы они помогли возродить этот мир. В этом и заключается моё предназначение на новой Земле. Мы разные: океанические драконы народа Ди всегда шли своим путём, а пресноводные же — своим, но и те и другие крепили лишь в дальних странствиях. Разве не так?

Маленький Персик, казалось, без слов понимал природу и повадки своего спутника — могучего владыки бездн. Фушэнь никогда не откровенничал о себе, но между ними существовала странная, почти мистическая связь. Они читали друг друга как открытую книгу.

Малыш догадывался, что их различия кроются не только в среде обитания. Китайский морской дракон Ди, чьи гены хранили тайны первозданного океана, обладал редчайшим даром — он мог предвидеть капризы земной стихии, чувствовать изменения климата, движение тектонических плит и приближение глобальных катастроф. Это была великая, пугающая сила.

Оба они знали неоспоримую истину: двадцать лет назад, когда над миром разверзся хаос, у жителей Гуанчжоу не было ни единого шанса спастись за те жалкие двадцать минут, что отвела им судьба. Городские кварталы уходили под воду, земля буквально уплывала из-под ног, а гигантские бетонные основания зданий мгновенно затягивала ненасытная морская пучина.

Чтобы вырвать миллионы жизней из когтей неминуемой смерти и подарить им спасение, требовалась мощь поистине титанического масштаба.

Настоящий ледниковый период — такой, что когда-то стёр с лица земли целые цивилизации на закате династии Мин — подкрадывался незаметно. Вопреки глупым человеческим фильмам,

никакие хваленые технологии и уж тем более примитивные инстинкты сухопутных тварей не способны предугадать гнев остывающей планеты.

Дерево умирает двояко: оно либо медленно чахнет годами, либо погибает в один миг, сломленное бурей. Малый ледниковый период, ставший величайшим кошмаром человечества, ударил мгновенно, без предупреждения.

И спасти людей могло лишь чудо. Или древнее существо, которое человеческая наука самонадеянно считала вымершим пять тысяч лет назад. Огромный, мудрый и безмолвный исполин, спавший в тёмных провалах Южного моря у берегов Гуандуна, первым почувал дыхание близкой смерти.

Он был старше самой человеческой истории. И в его бездонном сердце теплилось великое сострадание — он видел во всех земных созданиях единую, неразрывную семью.

Только он мог совершить невозможное: в те роковые двадцать минут удержать рушащийся мир и открыть для людей спасительный путь во внешние земли.

В древности предки людей, столкнувшись с подобным величием, падали ниц и благоговейно шептали лишь одно слово — «бог».

Хотя сам ящер, переживший не один конец света, никогда не мнил себя божеством. Для него это было естественным долгом — он считал себя обычным дитя Земли, разделяющим её общую судьбу.

Двадцать лет назад он явил себя гибнущему Гуанчжоу. Он спас провинцию от ледяной могилы, но... уберёг и ещё кое-что. Свой самый сокровенный «маленький секрет». И надо же было такому случиться, что проницательный Персик умудрился разглядеть эту тайну сквозь толщу лет.

Двадцать долгих лет. Он проводил уходящее человечество и остался ждать в безмолвной пустоте — пока маленькая искра жизни наконец не очнулась от глубокого сна. Их встреча была предрешена самой судьбой, и ни один из них ни на миг не усомнился в том, что эти годы ожидания стоили того.

—... — Фушэнь промолчал.

Величайший и, пожалуй, единственный истинный прорицатель этого мира не стал перебивать маленького дракона. Он видел: роскошная яхта действительно не прельщала юного Персика. Малыш грезил настоящим, вольным странствием.

Ему было наплевать на человеческие условности: деньги, запасы провизии и дорожные сумки. В его понимании для идеального похода требовались лишь две вещи: лёгкое сердце и верный

спутник, готовый разделить с ним этот путь.

Стоило душе распахнуться навстречу приключениям, а рядом оказаться нужному существу — и древние персиковые пресноводные драконы Ди из бассейна Янцзы могли отправляться в путь налегке, счастливые и беззаботные.

Весь мир — их дом, вся жизнь — бесконечная дорога и знакомство с удивительными созданиями. Если бы люди увидели это, они непременно назвали бы такое путешествие «дикарским» или «бюджетным».

Бедный розовый кроха действительно не имел за душой ни гроша — лишь потрёпанную розовую тетрадку да простенькую шариковую ручку. Но голодная смерть его ничуть не пугала. Он с лучезарной улыбкой помахал своим сокровищем перед носом великана.

— Стоит нам добраться до следующего города, как все проблемы решатся! Если проголодаемся, я просто отыщу своих старых друзей. Они точно обрадуются нашей встрече и накормят нас до отвала! Так что моя заветная тетрадка — это лучший пропуск. Ну что, мы выдвигаемся завтра на рассвете?

Малыш заглянул Фушэню в глаза, затаив дыхание в ожидании ответа.

— Да, — негромко отозвался Фушэнь. Он посмотрел на далёкий горизонт, где лазурные речные струи сливались с тёмной океанской просинью. — Но знаешь ли ты, как называется наша первая цель?

— Конечно знаю! Я же читал об этом в сети! — гордо выпалил Двенадцать Тонн. — Мы плывём на Хайнань!

— Хм, вот как? А помнишь ли ты, как эти земли величали люди в древности?

— Ячжоу, Цюнчжоу, Даньэр... Ой, у него куча имён! — затараторил розовый дракончик. — Люди ещё называли его «краем света». Это чудесный остров на самом юге Китая, там живут самобытные племена, и эти земли испокон веков считались благословенной сокровищницей!

— И какими же деликатесами славятся те края? — с усмешкой спросил великан.

— Нежнейшим вэньчанским цыплёнком! Ароматным кокосовым рисом! А ещё там столько сочных фруктов и свежей рыбы, что за всю жизнь не перепробовать! — у дракончика даже слюнки потекли. — Но главное, там меня ждут верные друзья!

25 февраля 20XX года

Провинция Гуандун. Граница города Дунгуань и устья Жемчужной реки

Это была их последняя ночь на гостеприимной земле Гуандуна. Завтра на рассвете им предстояло пуститься в путь по тёплым водам Жемчужной реки, чтобы преодолеть могучий Океанический фронт, разделяющий пресные речные устья и солёную бездну.

Однако они не стали сразу искать великую Янцзы, питающую сердце материка. Путь их лежал в противоположную сторону — через Хайнаньский пролив. Миновав Чжаныцзян, Янцзян и Макао, они планировали достичь северных берегов Хайнаня и войти в гавань города Хайкоу.

Что сулила им эта дорога? Сейчас не ответил бы никто.

Но в ту последнюю ночь перед великим походом Фушэнь, свернувшись кольцом, бережно укрыл своим мощным хвостом маленького Персика, мирно спавшего в песчаной ямке. Засыпая под тихий плеск волн в устье Жемчужной реки, ставшем ему домом на долгие пять тысяч лет, Китайский морской дракон Ди погрузился в странный сон.

Ему, всю жизнь упорно не желавшему покидать родные южные воды, явилось видение. Вещий сон, пахнувший далёким персиковым цветом... Сон, предрекавший судьбоносную встречу, которой суждено было изменить его вечное одиночество.

В полусне донёсся тихий, певучий голос, декламирующий строки старинной поэмы:

«Едва лишь встретятся роса и ветер золотой,

Бледнеет суета земная пред их красотой...»

«Коль чувства наши вечны и сильны,

К чему нам встречи каждую луну?...»

В туманной дымке спиной к Фушэню стоял изящный мужской силуэт. Владелец голоса лениво шлёпал по водной глади гибким драконьим хвостом, переливавшимся нежными оттенками розовых персиковых лепестков.

Это было наваждение — Фушэнь точно знал, что никогда прежде не встречал его. И всё же то, как этот незнакомец стоял к нему спиной, забавляясь с водой, казалось пугающе осязаемым.

— Эй, — послышался негромкий смешок. — Ты опять проспал? Ну и соня же ты.

Смех незнакомца прозвучал непривычно, но его лукавая, тёплая интонация показалась Фушэню до боли знакомой. Перед ним стоял уже не несмышлёный кроха, а прекрасный, сильный персиковый пресноводный дракон Ди, обретший свою истинную зрелость.

Черты его лица тонули в золотистой предрассветной дымке, но в каждом изгибе его тела, в непринуждённой позе сквозило невероятное изящество — лёгкое, манящее и благородное.

Посреди тихой, усыпанной лепестками речной глади, залитой лунным светом, этот прекрасный юноша изящным движением поправил цветок персика, заправленный за ухо, и медленно обернулся. Его мимолётный взгляд заворожил бы любого поэта. Они смотрели друг на друга сквозь туманную пелену воды и сна.

На его щеке алела причудливая, яркая персиковая отметина — сочная и манящая, затмевающая своей красотой весенний сад. И как бы ярко ни светила луна, разглядеть лицо незнакомца до конца было невозможно.

Но его ласковая улыбка грела душу, а в полуприкрытых глазах светилась такая глубокая нежность, будто весь мир для него отныне сузился до одного-единственного существа перед ним.

В следующее мгновение от этих прекрасных, сияющих алым блеском глаз сердце великана пропустило удар. Певучий голос взрослого Персика эхом отозвался в сознании Фушэня, оставляя след на всю жизнь:

— Послушай, кого ты пытаешься отыскать в своих снах? Я ведь всегда был рядом с тобой. Твой Персик останется здесь, с тобой, навеки... и никуда не уйдёт.

<http://bllate.org/book/19977/2038413>